

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 738-750
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.738

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Translators as Imperial Agents: Iskander Batyrshin and Knowledge Production in the Kazakh Steppe

Seilkhan Tokbolat ^a, Indira Shakirbaeva ^{a,*}, Asem Sadykova ^b, Shyngys Rakhmetulla ^a

^aSherkhan Murtaza International Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

^bTaraz University named after M.Kh. Dulaty, Taraz, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role of translators as imperial agents in the Kazakh Steppe through the case of Iskander Batyrshin, who served as a translator at the Orenburg Frontier Commission during the mid-19th century. Batyrshin's career illustrates the dual function of translators, involving mediation between the Russian administration and the local Kazakh elite, as well as the production of knowledge about the social and political structure of the Kazakh steppe. The research draws on materials from the Central State Archive of Kazakhstan, the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and Batyrshin's own texts, including A Note on the Khivan Khanate (1852) and A Short Diary of the Ak-Mechet Expedition (1853). The application of microhistorical, source-critical, and discursive approaches demonstrates how Batyrshin transformed local information gathered during diplomatic and translation work into strategically significant knowledge for the Russian imperial administration. The research positions Batyrshin within the analytical framework of imperial intermediaries and demonstrates that his translation practices constituted an integral component of the Russian Empire's strategic mechanisms for the political, administrative, and epistemological incorporation of the Kazakh steppe.

Keywords: Iskander Batyrshin, Russian Empire, Orenburg Frontier Commission, translators, Kazakh Steppe, Kokand Khanate, Khiva Khanate, intelligence agents, Ak-Mechet, Kazakh elite.

1. Введение

С 40-х годов XVIII века русская администрация начинает создание общего центра для систематического сбора и анализа военно-политических и торгово-экономических сведений о казахской степи и приграничных государствах. С целью распространения административного влияния на землях казахов Младшего и Среднего жуза, указом Сената от 15 марта 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния (ПСЗ РИ. Т. 12. 1830: 51).

В 1763 году при Оренбургской губернской канцелярии был официально утвержден штат переводчиков и толмачей. Вскоре, согласно именному указу императрицы Екатерины II от 29 июля 1770 г. предписывалось данному штату не только переводческую работу, но и командирования в степь «по секретным прочим делам переводчикам и толмачам посылки через них же в оном народе разведывания и другие подробности чинятся...» (ПСЗ РИ. Т. 19. 1830: 99-100).

Дальнейшее закрепление их административной роли произошло в 1784 году, когда в правительственный Сенат был представлен доклад коллегии иностранных дел о необходимости установления годового жалования переводчикам и толмачам, поддерживавшим постоянную связь с казахской правящей верхушкой «для обучения их народа [казахов] порядкам и законам...» (ПСЗ РИ. Т. 22. 1830: 160-161).

* Corresponding author

E-mail addresses: indira.81-81@mail.ru (I. Shakirbaeva), seiltokbolat@gmail.com (S. Tokbolat), asemakaznpu@mail.ru (A. Sadykova), shyngysvip2002@gmail.com (Sh. Rakhmetulla)

В 1799 году на основе деятельности Оренбургской экспедиции и пограничного суда, выполнявших функции посредников между казахскими султанами и родовыми старшинами, была учреждена Оренбургская пограничная комиссия, которая впоследствии стала основным органом управления в младшем жузе (Горбунова, 2017: 85). Данное подразделение действовало в тесной координации с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и все более усиливало посредническую роль переводчиков и толмачей, расширяя их функции от ведения дипломатических сношений до систематического сбора исторических и этнографических сведений о среднеазиатских ханствах.

Оценивая значимость подобной деятельности, военный историк М.А. Терентьев в своем научном труде, посвященном толмачам, пишет: «Незнание языка, невозможность иметь столько драгоманов, чтобы ни один разезд, ни один пикет, ни один отряд не остался глухонемым, когда дар слова может стоить жизни, все это указывает на необходимость сборника всех неизбежных в этих случаях вопросов» (Терентьев, 1867: 1).

Однако, такая деятельность несла в себе и свои опасные последствия, особенно в степной местности. Американский историк, востоковед Майкл Ходарковский пишет, что толмачи и переводчики «ходили по проволоке, натянутой между двумя сторонами, и боялись за свою жизнь, опасаясь, что результат их перевода будет сочтен оскорбительным или провокационным». По замечанию Ходарковского, толмачи, сопровождающие посольства к кочевым народам, часто становились «мишенями для угроз и дурного обращения» (Ходарковский, 2023: 116-117).

Весьма важным в изучении истории казахов того периода, являются научные наследия этих переводчиков и толмачей. Обладавшие глубоким знанием языков, обычаев и традиций степняков, толмачи, совмещали административную, исследовательскую и этнографическую функции. Ведущий эксперт по изучению деятельности татарских толмачей в казахской степи, д.и.н. Г.С. Султангалиева пишет, что «татарские переводчики и толмачи, будучи членами научных обществ, вели большую популязаторскую работу...» (Султангалиева, 2023: 9). Они выполняли роль не только посредников между имперской властью и местным населением, но и становились важнейшими участниками научно-разведывательных экспедиций, фиксируя в своих путевых дневниках ценнейшие сведения о жизни казахской степи. Их записки и наблюдения представляют собой уникальные источники, отражающие повседневность, хозяйственно-бытовую культуру, морально-нравственные устои и социально-политические отношения в казахском обществе середины XIX века. Однако, по замечанию Султангалиевой, большинство документов и материалов относящейся к данному периоду «не дошли до наших дней в силу самых различных причин» (Султангалиева, 2023: 9).

Казахстанский историк Ирина Ерофеева отмечает особую важность путевых дневников, мемуаров и повседневных журналов, составленных участниками военных и административных миссий. «В условиях слабой осведомленности царского правительства о географии и текущей общественно-политической обстановке внутри казахских кочевий...» как пишет Ерофеева «служебные журналы являлись в течение целого столетия для высших российских сановников одним из основных источников информации». Подобные журналы служили для систематической фиксации обсуждаемых актуальных вопросов, накопившихся проблем и принимаемых по ним решений (Ерофеева, 2012: 6).

К середине 20-х годов XIX в., в состав Оренбургской пограничной комиссии входили два переводчика и три толмача. По сведениям известного дореволюционного ученого-тюрколога Александра Васильева, все они происходили из среды татар Волго-Уральского региона (Васильев, 1898: 4). В числе их были Мухаммед-Шариф Аитов, Мирсалах Бекчурин, Абдулнасыр Субханкулов, Мухаммед-Рахим Чанышев, Кутлуг-Мухаммед Бигмаев и др. Все они в основном являлись выпускниками Оренбургского Неплюевского военного училища, составляли свою династическую сословию, и выходили из дворян Оренбургской губернии.

Среди представленных выше чиновников, особое место занимает фигура Искандера Алюковича Батыршина, служившего в системе Оренбургской пограничной комиссии. Его деятельность охватывала широкий спектр задач, от перевода дипломатических сношений и ведения переговоров с казахской знатью до участия в разведывательных и научно-этнографических миссиях, проводимых в контексте военных экспедиций Российской империи на южных рубежах. В ходе своих командировок Батыршином были составлены два исторических очерка, первая «Записки» о Хивинском ханстве, второй «Дневник», составленный в ходе Ак-Мечетской экспедиции.

В историографии фигура Искандера Батыршина остается слабо изученной. Исследователи, как правило, ограничиваются фрагментарными и отрывочными упоминаниями о его деятельности в качестве переводчика. В большинстве случаев сведения о Батыршине встречаются в трудах, посвященных в целом татарским толмачам и переводчикам, направлявшимся в Казахскую степь, либо рассматриваются в контексте выпускников Неплюевского военного училища в Оренбурге. Однако специальные научные труды, подробно анализирующих жизненный путь и профессиональную деятельность Искандера Батыршина, на сегодняшний день отсутствуют.

Настоящее исследование направлено на анализ служебной деятельности Искандера Батыршина в системе Оренбургской администрации, при этом особое внимание уделяется содержанию его письменного наследия. Дневник и записки, составленные Батыршином выступают не

только как хроника военных действий и административных решений, но и как «внутренний» взгляд участника на подготовку, фиксируя механизмы разведки, логистические практики, и особенности взаимодействия с казахской знатью. Такой корпус записей позволяет реконструировать событийный ряд и контекст принятия решений «изнутри» имперской практики, сопоставляя официальные директивы с повседневной административно-военной рутинной.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование основано на комплексном анализе разнородных источников, отражающих служебную, переводческую и разведывательно-административную деятельность Искандера Батыршина в системе Оренбургской пограничной комиссии. Источниковую базу составляют, во-первых, неопубликованные архивные материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Республика Казахстан), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация). В их числе формулярные списки, служебная переписка, приказы, донесения, переводы писем, а также журналы экспедиций и рапорты должностных лиц, позволяющие реконструировать контекст службы и деятельности И. Батыршина. Во-вторых, также основным корпусом источников выступают собственные тексты Батыршина его «Записка о Хивинском ханстве» (1852) и «Краткий дневник» Ак-Мечетской экспедиции 1853 г., опубликованные в сборниках материалов.

Методологически исследование опирается на сочетание историко-критического, источниковедческого и микроисторического подходов. Историко-критический анализ позволил сопоставить сведения Батыршина с официальной перепиской пограничной комиссии, донесениями военных начальников и материалами Азиатского департамента МИД, выявляя расхождения между нормативно-декларативным и повседневно-практическим уровнями имперского управления. Источниковедческий метод был использован для определения происхождения, жанровой специфики и функционального назначения каждого документа, а также для оценки степени их информативности и искажающего потенциала. Дополнительно использовались методы текстового и дискурсивного анализа. Сопоставлялись лексика, риторика и тематические акценты Батыршина в разных типах документов. В совокупности примененные методы обеспечивают реконструкцию как событийного ряда, так и внутренних логик функционирования переводчика в системе имперской власти.

3. Обсуждение

Первое упоминание о Батыршине встречается в труде казахстанского историка Э.А. Масанова, посвященного этнографическому изучению казахского народа. Батыршин в данном труде был упомянут как одним из Оренбургских корреспондентов, представивший свою научную статью в русское географическое общество (Масанов, 1966: 136).

Также одними из самых ранних упоминаний об Искандере Батыршине являются труды башкирских историков Г.Б. Хусаинова (Хусаинов, 1992) и А. З. Асфандиярова (Асфандияров, 1996). В своих исследованиях, схожих по содержанию и проблематике, авторы рассматривают процессы социально-экономического и культурного развития Башкирии и России в XVIII–XIX веках.

В 2007 г. в VI томе сборника История Казахстана в русских источниках, содержащий путевые дневники и служебные записки XVIII–XIX вв., учеными-историками И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым, впервые было опубликовано записка составленный Искандером Батыршином «о Хивинском ханстве» датируемая 1852 г. (ИКРИ. Т. 6. 2007: 300). Под редакцией этих же ученых, в 2012-м году, в казахстанской историографии впервые был представлен «Краткий дневник» введенный Батыршином во время Ак-Мечетской экспедиции (История Казахстана..., 2012: 300). На основе данного дневника, И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым была опубликована вводная статья, посвященное вопросу о перезахоронении останков Абулхайра его потомками, записанный самим Искандером Батыршином (Ерофеева, Жанаев, 2012: 279).

Краткие упоминания об Искандере Батыршине нередко встречаются в исследованиях, посвященных истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В подобных трудах фигура Батыршина упоминается в ряду выпускников восточного отделения, которые впоследствии были направлены в должности переводчиков в Оренбургскую пограничную комиссию. Среди подобных исследований стоит отметить научные труды Г.П. Матиевской (Матиевская, 2016), Ю.Р. Почакаева (Почакаев, 2017) и Ю.М. Гордеевой (Гордеева, 2024).

В рамках исследований деятельности татарских переводчиков и толмачей, командированных в Казахскую степь на рубеже конца XVII – начала XIX вв., доктором исторических наук Г.С. Султангалиевой была проделана значительная исследовательская работа, результатом которой стала публикация ряда научных статей и монографических изданий, с анализом письменного наследия известных представителей татарских толмачей, где содержатся фрагментарные сведения о службе Искандера Батыршина в переводческом штабе пограничной комиссии (Султангалиева, 2009; Султангалиева, 2012; Султангалиева, 2023; Султангалиева, 2024). Ученый отмечает, что в XVIII–XIX веках в Оренбургской губернии сформировалась целая династия татарских писцов и

переводчиков. Наряду с такими известными фамилиями как братья Бигловы, Аитовы, Еникеевы, Субханкуловы исследователь упоминает и братьев Искандера и Сулеймана Батыршина, начавших свою деятельность в качестве регистраторов и младших переводчиков. Как пишет Султангалиева: «Формирование этой династии свидетельствует о четко выраженной тенденции к созданию особой профессиональной группы переводчиков» (Султангалиева, 2012: 58).

Вклад в интерпретацию фигуры Искандера Батыршина значимо внесла статья К. Гайбулиной (2024), в которой он рассматривается через концепцию “subaltern intermediaries” то есть подчиненных империи посредников, обладавших при этом собственным агентством. В сопоставлении с польским ссыльным Брониславом Залесским Батыршин предстает как двойственная фигура: с одной стороны, проводник имперской политики в степи, с другой представитель мусульманского населения, использовавший службу в имперских учреждениях как инструмент социальной и карьерной мобильности. Анализ его записок, по мнению Гайбулиной, показывает, каким образом местные знания о степи превращались в управляемое и политически значимое знание для имперского центра.

Тем не менее, несмотря на отдельные упоминания в научной литературе, деятельность Искандера Батыршина до сих пор не получила целостного анализа. Его служебные записки, дневники и участие в административно-дипломатических практиках остаются недостаточно исследованными, в результате чего фигура Батыршина по-прежнему занимает периферийное место в историографии, несмотря на высокий источниковедческий потенциал его наследия.

4. Результаты

Искандер Алюкович Батыршин родился в 1819 г. в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии. По происхождению был татарин и являлся потомственным дворянином (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 10б.). Его отец, Аллюк Батыршин, занимал должность дворянского заседателя Стерлитамакского уездного суда. Военную службу Аллюк Батыршин начал в 1790 году, поступив в Московский гренадерский полк, а с 1796 года в Павловском полку. За участие в подавлении польского восстания был награжден первым офицерским чином подпоручика, а уже через год получил чин поручика. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года. В 1815 году, вследствие ранений, полученных во время боевых действий, был уволен со службы в звании штабс-капитана (Мухамедов, 2020: 189).

Окончив курс наук по восточному отделению в Неплюевском военном училище, Искандер Батыршин предназначался состоять в одном из линейных батальонов, однако по запросу председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса, был перенаправлен в должность толмача «потому что г. директор знал от меня, что Комиссия нуждается в хороших толмачах». По замечанию Генса, в отличие от Европейского отделения, выпускники Азиатского отделения не должны были определяться в какую-либо солдатскую должность, кроме как, в качестве пехотного офицера «знающих восточные языки» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4667. Л. 2–40б.). 6 января 1837 г. по поручению Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, Батыршин был определен на службу в пограничную комиссию «для употребления в качестве толмачей впредь до дальнейшего предписания...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4667. Л. 110б.).

В октябре 1838 г. в должности толмача, начинающий чиновник отправился из Оренбурга в Букеевскую орду, в составе отряда полковника К.К. Геке, для подавления восстания Исатая Тайманова. Основная задача Батыршина в этом деле был перевод ряда писем Исатая и хана Букеевской орды Джангира, адресованные полковнику Геке (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1963). В июле 1838 г. Батыршин при отряде полковника Геке, отправились в Зауральскую орду для «разъяснение противоправных действий» восставшим казахам Тайманова и обеспечения безопасности местных казахов подведомственных султану Баймухаммеду Айшуакову «внушая им [казахам] повиноваться одному только начальству своему...» (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 1966. Л. 41–410б.). Так, за успешно проведенную экспедицию, в декабре 1838 г. толмач Батыршин «...Всемиловнейшее» был пожалован в чин коллежского регистратора (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208. Л. 11–14).

По случаю начавшейся подготовки В. А. Перовского к Хивинской экспедиции в 1839 г. Искандер Батыршин, состоявший при отряде полковника Геке, был командирован в Зауральскую орду для устройства укреплений при речках Чучка-Куль и Эмбе. В 1841 г. по предписанию военного губернатора Батыршин вступил в должность учителя татарского языка в Неплюевском военном училище.

Совмещая преподавание со службой в пограничной комиссии, Батыршин занимался переводом официальной корреспонденции. В годы восстания под руководством султана Кенесары Касымова высшие административные лица Оренбургского края вели частную переписку с султаном, переводом большинства писем которой занимался Батыршин. Так, на протяжении 1840-х годов Искандер Батыршин представлял в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора письма, адресованные военному губернатору и председателю пограничной комиссии и полученные от султана Кенесары (Национально-освободительная борьба..., 1996: 173, 174, 206, 208, 213, 332, 399).

Также в период службы в пограничной комиссии Искандер Батыршин перевел письма хивинского хана Рахимкули, адресованные биям Младшего жуза (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 396а. Л. 68). Политическое влияние Хивинского ханства на казахов Младшего жуза во второй четверти XIX века постепенно усиливалось, что вызывало серьезную обеспокоенность российской администрации в

Оренбурге. Хивинские чиновники стремились закрепить свое влияние в приграничных степях, устанавливая дипломатические и торговые связи с отдельными родоплеменными объединениями казахов, а также оказывая давление посредством карательных выступлений и сбора подати. В ответ на это Российская империя была вынуждена активизировать свою политику, направив усилия на организацию системы оборонительных пунктов.

Новый вектор в административной и военно-политической деятельности Оренбургского края был задан назначением на пост военного губернатора генерал-адъютанта В. А. Обручева. Под его непосредственным руководством в 1846 году была организована экспедиция к восточному побережью Каспийского моря, направленная на демаркацию новых рубежей и возведение степных укреплений. Искандер Батыршин, чьи лингвистические способности были востребованы канцелярией, был прикомандирован к данному предприятию в качестве переводчика (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208. Л. 11-14). Так с мая по август 1847 г. Батыршин сопровождал военного губернатора в экспедициях по территории Восточного Приаралья, организованных по возведению Раимского укрепления (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 2729. Л. 4 об.-5). За заслуги перед оренбургской администрацией, в 1847 г. Батыршин получил чин титулярного советника (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5).

Затрагивая научную деятельность переводчика, сформировавшуюся в ходе его путешествий, в 1850 году он подготовил статью «Замечания о характеристических отличиях тюркских наречий в Оренбургском крае», отправленную в Русское географическое общество. Общество предложило Батыршину систематически заниматься сбором сведений о культуре и быте казахского народа (Масанов, 1966: 136). В том же году Батыршин был переведен из Неплюевского кадетского корпуса в Оренбургскую пограничную комиссию, где ему присвоили чин коллежского асессора (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5 об.-6 об.).

В преддверии Ак-Мечетской экспедиции В.А. Перовского би чумекеевского рода Алмат Тавабергенов рапортом от 3 февраля 1852 года сообщил начальнику Аральского укрепления, «что бывший задержанный Хивинским ханом Султан Илекей Касымов ныне оттоль убежал с намерением быть преданным нашему Русскому Правительству» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3622. Л. 42–42 об.). Начальник Аральского укрепления майор Энгман доложил В.А. Перовскому о направлении Илекея с толмачом Чанышевым и бием Алматом Тавабергеновым в Оренбург для представления его «с повинной головой» в русскую администрацию (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3622. Л. 46–48).

Прибытие султана Илекея Касымова в русское подданство имело большое политическое и стратегическое значение для Петербурга. Этот акт рассматривался как важный источник разведывательных и дипломатических сведений, поскольку ранее Илекей находился под патронатом хивинского хана Мухаммед Эмина, который определил его ханскую ставку в крепости Ходжанияз. Во время пребывания на ханской должности в пределах Хивы Илекей был хорошо осведомлен о внутреннем положении ханства, его оборонительных сооружениях и политических связях. Так, с целью сбора необходимых сведений председатель Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженский направил для личной беседы с Илекеем коллежского асессора Искандера Батыршина. Составленные им записи «касательно Хивинского ханства и султана Илекея Касымова из личных бесед» вскоре были представлены в Министерство иностранных дел (ИКРИ. Т. 6. 2007: 300).

В ходе беседы султан Илекей представил ценные сведения и соображения относительно завоевания Хивы. Он неоднократно осведомлялся у Батыршина, «думает ли правительство завладеть Хивою», предлагая со своей стороны всестороннее содействие походу (ИКРИ. Т. 6. 2007: 311). По убеждению Илекея, наиболее благоприятным временем для наступления является зима, однако для этого следовало сосредоточить войска и продовольствие в Аральском укреплении уже к осени. Кроме того, султан передал Батыршину подробный маршрут движения регулярных частей, указав наиболее пригодные пути и характер препятствий на различных участках степи (ИКРИ. Т. 6. 2007: 312).

«По мнению Илекея» как пишет Батыршин, «можно будет найти важную помощь в Хиве от персиян пленников» которые, по замечанию султана, «составляют всю третью часть населения ханства». Пользуясь своим расположением между казахами чумекеевского и дюрткаринского рода, Илекей был готов собрать более двух тысяч верблюдов в Аральское укрепление «если на то будет воля начальства», когда как для покорения Хивы, достаточно будет до 3 тысяч человек регулярного войска с хорошим вооружением (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314). Исходя из этого, Илекей выразил мнение, что «Хивою завладеть не очень трудное дело, как вообще полагают» и описанный им выше маршрут движения «достаточно ручаются за успех» (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314).

Таким образом, всю полученную информацию от Илекея, Батыршин детально отразил в двух служебных записках, которые были переданы в пограничную комиссию, а оттуда в Азиатский департамент при министерстве иностранных дел. Под сильным впечатлением от личной беседы с Илекеем, Батыршин писал Ладыженскому, что «султан этот одарен природным умом и решительным энергическим характером» (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314). Вскоре, в течение всей Ак-Мечетской экспедиции, именно переводческая деятельность Батыршина выступит посредником в эпистолярных сношениях султана Илекея с М.В. Ладыженским.

Начиная с 1852 года, русская военная администрация приступила к рекогносцировочным работам, направленным на детальное изучение положения кокандской крепости Ак-Мечеть на реке

Сырдарье. Руководство экспедиционными мероприятиями было возложено на отряд под командованием инженера-капитана Ивана Федоровича Бларамберга, которому поручалось обследование укрепления, сбор топографических данных и составление картографических схем района предстоящих боевых действий (РГВИА. Ф. 438. Оп. 1. Д. 30. Л. 17–18об.). К этому времени вопрос о военном выступлении против Кокандского ханства становился делом ближайшей перспективы. В ответ на активизацию российской экспансии хивинские и кокандские власти начали предпринимать дипломатические шаги, стремясь привлечь на свою сторону казахских правителей и родовую знать. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан сохранился обширный комплекс писем и посланий, адресованных монархам, сановникам и другими представителями среднеазиатских ханств казахским старшинам и султанам, большая часть переводов которых была выполнена Искандером Батыршиным. Среди них «Письмо хакима Ташкента Нар-Мухаммед-кушбеги биям рода табын» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 64–64об.), «Письмо хакима Ак-Мечети Мухаммед-Юсуф-бека биям сырдарьинских казахов» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 66–67), «Письма хивинского чиновника Ходжанияз-бия биям и влиятельным казахам рода шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 119–120), «Письмо туркестанского ходжи Гали-Акбера биям рода шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 113–114), «Письмо хакима Туркестана Таш-Мухаммед-дадхаха биям родов кете и шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 115–116об.), «Письмо хивинского мехтера Мухаммед-Рахима биям подразделения шомышты рода табын» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3830. Л. 2–2об.).

Из представленных Батыршиным, в Оренбургскую пограничную комиссию писем, стало известно, что в Кокандском ханстве к этому времени сложилась нестабильная политическая ситуация. Внутренние противоречия и политическая борьба между ташкентским хакимом Нар-Мухаммедом и влиятельным сановником мынбаши Мусульман-Кулом ослабили управление ханства и привели к нарастанию политической раздробленности (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 270–273об.). Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, получив соответствующие донесения, стремился использовать возникшую политическую ситуацию для активизации военных действий. Осознавая нестабильность положения в ханстве, он настаивал перед военным министром на необходимости немедленного начала масштабной экспедиции в направлении кокандской крепости Ак-Мечети (Tokbolat, Dzhusunbaev, 2025).

В начале мая 1853 г. Оренбургской пограничной комиссией В.А. Перовскому был представлен формулярный список «о службе коллежского асессора Искандера Батыршина» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208). Учитывая набранный опыт и, способность вести дипломатические сношения с казахской кочевой элитой, по распоряжению В.А. Перовского, Батыршин был включен в состав Ак-Мечетской экспедиции. Как пишет об этом Батыршин в своем дневнике: «будучи ошастливлен выбором оренбургского и самарского генерал-губернатора состоять при его особе переводчиком в походе на Ак-Мечеть, я записывал дороною все относящееся до азиатцев для себя на память» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

15 мая того же года Батыршин, состоявший в отряде Башкиро-мещерякских войск, выступил из Оренбурга в направлении Карабутакского форта. В это время от султана Илекея прибыл ходжа Байсал Ширгазиев, через которого Перовский приказал Илекею явиться в Уральское укрепление. Илекей, в свою очередь, собирал сведения о гарнизоне Ак-Мечети и через Батыршина сообщил, что в крепости находятся около 300 стрелков, вооружённых двумя большими и тремя малыми пушками, называемыми «китайча» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 4об.).

28 мая, на привале у Иргица, к генералу Перовскому явились султаны-правители Арслан Джантюрин и Мухаммедгали Тяукин. Беседа с ними касалась организации найма необходимого числа верблюдов для транспортировки грузов в степные укрепления. По свидетельству Батыршина, генерал приказал султану Арслану собрать 3800 верблюдов и «остаться в тех родах, с которых нужно взять этих верблюдов, а не следовать для охранения транспортной дороги» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 5-5об.).

На следующий день, для представления, к генералу Перовскому явился сам султан Илекей Касымов, с которым также встал вопрос о верблюдах, которых казахи, по замечанию генерала «неохотно отдают в найм», на что Илекей ответил, что причиной тому ядовитые растения, к северу от Аральска по Сырдарье, «от которых издыхают верблюды». По словам Батыршина, и Илекей Касымов, и султан-правитель средней части младшего жуза Арслан Джантюрин предлагали генералу Перовскому верховых лошадей, однако их предложения были отклонены (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 7–7об.).

В степной местности Центральной Азии, для российских военных походов обеспечение логистической транспортировки продовольствия, вооружения и прочего снаряжения являлось одной из первоочередных задач. В условиях нехватки корма и воды для традиционных тягловых животных, таких как лошади и быки, наилучшим решением стало использование верблюдов. Заготовка необходимого количества вьючных верблюдов, представляла собой одну из важных логистических задач, от решения которой во многом зависел успех военных экспедиций в степи.

Реализация данной задачи была практически невозможна без активного участия местной казахской знати, на которую возлагалась функция мобилизации материальных и людских ресурсов казахского населения. Как подчеркивает британский историк Александр Моррисон в исследовании,

посвященном логистике российской военной экспедиции в Хиву в 1839 г., несмотря на оснащенность армии новейшими для своего времени образцами вооружения и военной техники, в вопросах передвижения она оставалась в высокой степени, зависимой от местных знаний и ресурсов. По выражению Моррисона, каждый подобный поход представлял собой «колоссальный караван» на первый взгляд поразительно архаичную, но структурно необходимую форму проецирования европейского имперского влияния в Центральной Азии (Morrison, 2014: 447).

Эта зависимость от местных ресурсов и знаний отчетливо прослеживается в дневнике Искандера Батыршина, где подробно отражён порядок и последствия найма верблюдов казаками для нужд военных экспедиций. Батыршин отмечает, что казахи неохотно предоставляли своих верблюдов военным отрядам, тогда как купцам они сдавали их гораздо охотнее, даже при более низкой оплате. Караванные возчики, перевозившие купеческие товары, пользовались значительной свободой: самостоятельно выбирали места для привалов и ночлега, могли задерживаться на несколько дней и действовали в целом по собственному усмотрению. В составе же военных отрядов их положение существенно менялось: они были обязаны строго подчиняться распоряжениям начальства и лишались привычной самостоятельности (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 8–8об.).

Кроме того, по наблюдениям Батыршина, верблюды для казенных нужд предоставлялись не отдельными лицами, а общинами, обычно состоявшими из шести, семи или десяти кибиток. Каждая кибитка совместно приобретала вьючное животное, нанимала возчика, обеспечивала его продовольствием и снабжала всем необходимым, включая попону, седло и арканы. Возврат верблюда из похода считался большой удачей, поскольку в случае гибели животного все участники теряли вложенное имущество и не получали никакого возмещения. Эта зависимость в большой степени объясняет нежелание казахов предоставлять верблюдов для нужд армии (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 8об.-9).

Остроту проблемы найма верблюдов отчетливо осознавал и сам В.А. Перовский, для которого она стала одной из важных организационных трудностей экспедиции. В письме к исполняющему обязанности оренбургского и самарского генерал-губернатора Н.В. Балкашину, направленном из похода, Перовский прямо указывал, что «киргизы на эту службу давали [верблюдов] с величайшим отвращением», уточняя, что на практике животных «не давали, а отбирали насильно, раскладкою со столько-то кибиток по верблюду». По его оценке, казахи заранее рассматривали таких верблюдов как «пропавших», исходя из негативного опыта предыдущих экспедиций, и потому обвинять их в неохотности было бы несправедливо. Осознавая эти трудности, Перовский предполагал, что для будущих экспедиций за павших верблюдов их владельцам следовало бы предоставлять вознаграждение в виде соразмерного освобождения от кибиточного сбора (Перовский, 1911: 168).

30 мая Батыршин прибыл в Уральское укрепление, где сбором верблюдов занимался дистанционный начальник, бий Алмат Тавабергенов, ранее сопровождавший султана Илекея в Оренбург (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 11). В тот же день к генералу Перовскому прибыл султан Арслан Джантюрин, в ходе беседы с которым был затронут вопрос найма верблюдов. Генерал Перовский указал на необходимость упорядочения этого процесса путем введения системы, при которой каждый казахский род самостоятельно обеспечивал бы доставку провианта и других казенных грузов до определенного пункта под надзором русского чиновника. Последний должен был следить за их сохранностью и в случае гибели верблюда выдавать владельцу или возчику справку, на основании которой стоимость животного компенсировалась бы из кибиточного сбора (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 9–9об.).

По мнению Перовского, такой порядок обеспечивал бы прямое получение вознаграждения владельцами верблюдов без участия посредников. Вместе с тем генерал отмечал, что при наличии гарантии возмещения казахи могли стремиться сдавать больных или ослабленных животных. В ответ султан Арслан заверил, что для надзора за отбором наиболее пригодных верблюдов будут назначены доверенные представители Орды, что, по его мнению, должно было способствовать соблюдению установленных требований (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 9об.-10).

7 июня Искандер Батыршин в составе отряда генерала Перовского прибыл в Аральское укрепление, где экспедицию встретил надворный советник И.Я. Осмоловский. Последний незамедлительно направил в сторону Ак-Мечети шесть лазутчиков с задачей разведки местности и уточнения маршрута дальнейшего продвижения отряда генерала Перовского (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–13об.). Обладая собственной сетью постоянных лазутчиков и осведомителей из числа присырдарьинских и кокандских казахов, Осмоловский систематически направлял в Оренбургскую пограничную комиссию донесения, содержавшие разведывательные сведения о положении дел на территориях по реке Сырдарье и в пределах Кокандского ханства (Tokbolat, Rakhmetulla 2025: 175-187).

До прибытия И.Я. Осмоловского в Аральское укрепление его разведывательная деятельность была сосредоточена преимущественно в районе Уральского укрепления, о чем он регулярно докладывал в Пограничную комиссию. В одном из таких донесений Осмоловский отмечал, что «казахи чумекеевского рода и других родов, а также сам султан Илекей Касымов кочуют вблизи этого укрепления, а следовательно, разведывание и сбор сведений здесь представляются более удобными» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 287–288).

Сопоставляя сведения, полученные в Аральском укрепении, Батыршин указывал, что численность гарнизона Ак-Мечети не превышает 300 стрелков, при этом, по имеющимся слухам,

в Туркестане велась подготовка дополнительных сил, предназначенных для возможного оказания помощи крепости (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 14–14об.).

Аральское укрепление, ранее носившее название Раимского, было основано генералом В.А. Обручевым, который придавал особое значение формированию агентурной сети из числа местного казахского населения. Так, 16 мая 1847 года генерал Обручев предписал командиру Оренбургского батальона майору Базанину «обращать особое внимание на приобретение надежных сборщиков сведений из числа преданных нам казахов и получать от них данные о происходящем в степи». На организацию данной деятельности ежегодно выделялось 400 рублей серебром (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 87. Л. 1-21об.).

Находясь более двух недель в Аральском укреплении, Батыршин зафиксировал в своем дневнике ценные сведения о политических контактах хивинского хана с бухарским эмиром. Эти данные поступали от лиц, направленных в Хиву султаном Илекеем Касымовым, к которому Батыршин неоднократно выезжал для бесед, а также для поощрения его сторонников. «Хивинский хан, – отмечал Батыршин, – надеясь посредством родственных связей с бухарским эмиром усилить свои позиции на случай противодействия русским, направил посла к бухарскому эмиру с предложением о браке своей сына с его дочерью» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 150б.).

Ожидая потенциальную угрозу со стороны Хивы, Оренбургская пограничная комиссия предписала султану Илекею продолжать сбор разведывательных сведений о положении в Хивинском ханстве. В рапорте на имя председателя комиссии М.В. Ладыженского Илекей сообщал, что ближайшая к казахам Оренбургского ведомства крепость Ходжанияз приводится в состояние готовности к обороне. По его сведениям, в крепости на тот момент находилось около 200 человек гарнизона, а по распоряжению хивинского хана туда дополнительно было направлено еще до 500 вооруженных людей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 21–21об.).

Подчеркивая ум и политическое влияние султана Илекея, Батыршин отмечал его важную роль на протяжении всей Ак-Мечетской экспедиции как в деле сбора разведывательных сведений, так и в мобилизации людских ресурсов. По его словам «при нем состояло до 150 человек киргизов [казахов] из разных родов, они направлялись в разные стороны для разведок, наблюдений и иных поручений, а также находились при съёмочных отрядах» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 96об.).

16 июня Батыршин вместе с отрядом выступил из Аральского укрепления в форт Казалинск. Гарнизон форта насчитывал 225 человек из состава Уральского казачьего войска. При форте находились два судна, на которых осуществлялась переправа казахских и бухарских караванов, следовавших из Бухары в Троицк (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 23–30). В Казалинске Батыршин встретился с капитан-лейтенантом Александром Ивановичем Бутаковым, руководителем Аральской флотилии. Осознавая значение участия Аральской флотилии в военных походах, военный министр князь В.А. Долгоруков еще в 1850 году распорядился направить капитан-лейтенанта А.И. Бутакова в Швецию для заказа двух судов. В 1852 году они были доставлены в разобранном виде в Аральское укрепление (Ламырев, 2006: 112-113).

Генерал В.А. Перовский был особо заинтересован в использовании этих пароходов, получивших названия «Обручев» и «Перовский», в предстоящей экспедиции против Ак-Мечети. В рапорте на имя военного министра Перовский подчеркивал их значение, отмечая, что «экспедиционный отряд при выступлении из Аральска к Ак-Мечети будет снабжен достаточными перевозочными средствами для поднятия всех вообще тяжестей» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–20б.).

Прибыв в Казалинский форт, Бутаков по предписанию Перовского приступил к рекогносцировочным исследованиям русла Сырдарьи (Ламырев, 2006: 114). Вместе с ним на пароходе «Обручев» находились султаны Мухаммеджан Баймухаммедов и Илекей Касымов. По свидетельству Искандера Батыршина, оба они «остались в восхищении, особенно султан Илекей, который в первый раз ощущал удовольствие подобной езды» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 21–21об.).

К началу июля, под Ак-Мечетью начали собираться основные силы экспедиционного отряда. Вместе с тем, в степь начали распространяться слухи о сборе кокандских войск в Туркестане. Основная задача Батыршина в этой плеяде было сбор сведений и показаний, отобранных от казахских лазутчиков, отправляемых султаном Илекеем для разведок. Основной отряд под его командованием насчитывал около 200 конных казахов и был разделен на два разведывательных подразделения, действовавших по различным направлениям.

Первое подразделение, под руководством султана Джаныбека Искандерова, состояло из 37 всадников и осуществляло наблюдение по двум дорогам, ведущим из Ак-Мечети в сторону Туркестана. Второе подразделение, возглавляемое султаном Чингизом Чантаевым, включало 20 казахов и было направлено к местности Сагазы для получения разведанных из Ташкента. Оба отряда, по свидетельству Батыршина, должны были оставаться на своих позициях до завершения штурма Ак-Мечети, обеспечивая командование своевременной информацией о положении дел на подступах к крепости и в смежных районах (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 56–56об.).

Вместе с тем из показаний, собранных Искандером Батыршиным от казахских лазутчиков, стало известно, что Мирза-Давлет, направлявшийся из Ташкента в Ак-Мечеть с отрядом численностью около 300 вооруженных людей, по приказу ташкентского кущбеги был вынужден

возвратиться обратно в Ташкент. Начальник Туркестана Кидейбай-дадха также удалился в сторону Ташкента, когда как казахи, кочующие вблизи Туркестана, в числе 50-60 аулов перекочевали к Каратауским горам. Как пишет Батыршин, об этих откочевках: «...вообще казахи находятся пока в выжидательном положении, они ждут, возьмут ли русские Ак-Мечеть?» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 64–65). Полученные им сведения позволяют рассматривать подобные перемещения как проявление массовых откочевок и осторожной, выжидательной позиции родовой знати, обусловленной стремлением избежать преждевременного политического выбора в условиях неопределенного исхода военной экспедиции.

По свидетельству Батыршина, отраженному в его дневнике, прибытие русских войск произвело заметное впечатление на местное казахское население. Батыршин отмечал, что многие казахи выезжали навстречу отряду еще по пути следования и являлись в лагерь, где он находился вместе с генералом Перовским (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 69–69об.). По его наблюдению, казахи выражали готовность оказывать содействие русским военным, добровольно принимая всякое участие в строительстве барачных, лазаретов и других объектов, необходимых для обеспечения армии. «По-видимому...» как пишет Батыршин «ожидают взятия русскими Ак-Мечети все здешние казахи с нетерпением, чтоб покориться нашей власти, в этом они прозревают перспективу будущего своего благополучия и спокойного кочевания...» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 70).

26 июля, после проведения серии инженерных работ, включавших устройство траншей и окопов вокруг укрепления, русские войска приступили к решающему этапу штурма, общим руководством которого занимался генерал-майор Хрулев. Капитан саперных частей Орловский руководил закладкой мин под одну из стен крепости, взрыв которого должен был стать сигналом к общему наступлению. Утром, 28 числа, около пяти часов, после успешного подрыва мины начался штурм, завершившийся взятием Ак-Мечети. Число убитых со стороны русских войск, составило 16 человек, когда как со стороны кокандцев свыше 300 человек (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 79 об.–80).

В беседе с Батыршином, пленные кокандцы рассказывали, что виновником защиты Ак-Мечети был комендант ее, Мухаммед-Вали бек, и если бы русские продолжали бы осаждать крепость еще три дня, то кокандский гарнизон готов был добровольно сдаться и открыть ворота «...потому что в крепости очень мало оставалось продовольствия». По отечанию Батыршина, до начала полномасштабного штурма, в крепости погибло уже до 80 человек, что поставило остальных жителей «в отчаянное положение» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 80об.–81).

После взятия крепости Ак-Мечеть Искандер Батыршин остался на месте и продолжил деятельность по сбору сведений о казахском населении, кочевавшем в окрестностях укрепления. В своих записях он отмечал, что собранные материалы охватывали широкий спектр вопросов, касающихся быта и хозяйственной жизни казахов, перешедших под власть Российской империи. По наблюдениям Батыршина, общее число кибиток, располагавшихся вблизи Ак-Мечети, превышало тысячу. Он фиксировал данные о направлениях сезонных перекочевок, особенностях кочевого устройства, структуре хозяйства, а также о традиционных занятиях местного населения ремесле, хлебопашестве и рыболовстве. Особое внимание уделялось казахам Большой и Средней жузов, перекочевавшим под Ак-Мечеть из Каратау, где Батыршин занимался учетом их кибиточного состава и установлением порядка кибиточного сбора (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 84–90).

31 июля, Батыршин отправился к султанам Мухаммеджану Баймухаммедову и Илекею Касымову, передав им от генерала Перовского в виде подарка два серебряных бокала, изображающее внутри вызолоченное голову коня. Султаны, оставшись довольными, заверили Батыршина, что сожалеют только о том, что не представилось особенного случая, «где бы они могли показать свое усердие в лучшем виде». Между разговором, султан Мухаммеджан рассуждал, что для управления казахами под Ак-Мечетью, нужно поставить доверенного ордынца, указывая на султана Илекея, так как «нельзя найти никого, кто бы по энергическому характеру и влиянию своему мог управлять здешними казахами». Однако в этом, им было отказано В.А. Перовским, приказав Илекею продолжать заниматься разведывательной деятельностью и охраной казахских аулов (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 92 об.–94).

В записях Батыршина содержатся примечательные сведения, отражающие характер взаимоотношений между султанами Илекеем и Мухаммеджаном. Из приведенных наблюдений следует, что султан Мухаммеджан пользовался уважением со стороны чиновников, нежели Илекей, что указывает на его высокий авторитет и влияние в среде степной знати. Между султанами, как отмечает Батыршин «...из короткой дружбы» постепенно установились доверительные отношения. Мухаммеджан, отличавшийся умом и рассудительностью, при каждом удобном случае стремился наставлять Илекея, оказывая на него заметное моральное и политическое влияние. Убеждения Мухаммеджана, подкрепленные опытом и хитростью, не могли не произвести впечатления на Илекея, который имел открытый характер, и по замечанию Батыршиным, был «горд, самолюбив и любит властвовать». Батыршин, от личных бесед с Илекеем пишет, что несмотря на присущую ему гордость, султан открыто признавал интеллектуальное и личностное превосходство Мухаммеджана, считая его достойным всяческого уважения (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 94об.–96).

3 августа, по распоряжению В.А. Перовского, пленные кокандцы были освобождены, и под надзором Искандера Батыршина, который взял для сопровождения 10 вооруженных казахов, были

доставлены в укрепление Джулек: «Радости пленников по случаю освобождения их не было границ: многие из них плакали, благодарили самого генерал-губернатора, за оказанную им такую милость...» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 97 об.–99).

5 августа Батыршин вместе с генералами Перовским двинулись в обратный путь. Между тем, султаны Илекей и Мухаммеджан остались при Ак-Мечети, для охраны и выставления к пределам крепости лазутчиков (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 100–100об.). По инициативе В.А. Перовского, из Оренбурга в Ак-Мечеть переместился штаб по внешней разведке, руководителем которого стал И.Я. Осмоловский (О слухах и событиях..., 2016: 7). Сам В.А. Перовский покинул пределы Ак-Мечети со своей свитой того же числа августа, оставив комендантом крепости подполковника Ионея (Макшеев, 1898: 231).

Вечером 7 сентября, Батыршин вместе с отрядом возвратился в Оренбург, и в течение нескольких месяцев обрабатывал и дополнял свой путевой дневник для представления к высочайшему усмотрению В.А. Перовского. За оказанную службу при экспедиционном отряде, Искандер Батыршин, по предписанию В.А. Перовского от 24 ноября 1853 г. был награжден орденом святой Анны 2-й степени, доставленных в Оренбург из Санкт-Петербурга (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2725. Л. 15).

В 1855 году И. Батыршин вернулся к преподавательской деятельности и продолжил работу преподавателем татарского языка в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где служил до 1865 года. К этому времени он был удостоен чина коллежского советника (Адрес-календарь, 1856: 276; Адрес-календарь, 1865: 149). Совмещая должность преподавателя со службой в пограничной комиссии, Батыршин сохранял личные отношения с султаном Илекеем, который регулярно отправлял Батыршину сведения и донесения о событиях в степи (РГИА. Ф. 853. Оп. 3. Д. 3).

Генерал-губернатор Перовский, ознакомившись вскоре с дневником Батыршина, решил оставить его у себя, для дальнейшей его публикации. Однако из-за постигшей его тяжелой болезни, он так и не смог этого сделать, и дневник остался без внимания. Позже документ оказался в личном архиве братьев Перовских, в архиве Министерства юстиции Российской империи. После революции, документ был передан на хранение в одном из крупнейших архивов Европы – в Российский государственный исторический архив (РГИА), где он находится до наших дней (История Казахстана..., Т. 2. 2012: 286).

5. Заключение

Анализ служебной и письменной деятельности Искандера Алюковича Батыршина показывает, насколько важную роль играли переводчики и толмачи в системе Оренбургской пограничной комиссии середины XIX века. Он выполнял функции дипломата, разведчика и этнографа, становясь связующим звеном между сбором информации, ее интерпретацией и деятельностью имперской администрации. Без таких посредников эффективное проведение политических и военных операций было бы практически невозможным.

Записи, дневники и служебные документы Батыршина позволяют восстановить ход военных экспедиций, а также понять, как российская администрация взаимодействовала с казахской знатью и соседними среднеазиатскими ханствами. Собранные им сведения отражают стратегическое планирование, организацию логистики, мобилизацию местных ресурсов и дипломатические контакты, что делает его наследие ценным источником для изучения истории Центральной Азии. Деятельность Батыршина подчеркивает значимость посредников империи, находившихся на стыке официальной власти и местных социальных структур. Они формировали управляемое знание о степи и обеспечивали выполнение политических и военных задач.

Литература

Адрес-календарь, 1856 – Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. В двух частях. Ч. 1. СПб., 1856. 309 с.

Адрес-календарь, 1865 – Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1865–1866 год. В двух частях. Ч. 1. СПб., 1865. 606 с.

Васильев, 1898 – Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург: типо-лит. П.Н. Жаринова, 1898. 63 с.

Горбунова, 2017 – Горбунова С.В. «К подначальству и правосудию нечувствительно привыкать будут»: участие казахов в работе Оренбургской пограничной комиссии (1799–1869 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. №2. С. 85–95.

Ерофеева, 2012 – Ерофеева И. Журналы Оренбургской пограничной администрации 1738 и 1749 гг. о социально-политической жизни кочевого населения Младшего и Среднего жузов // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.

ИКРИ, 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям XVIII–XIX вв. Т. 6. / Сост. И.В. Ерофеева,

Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

История Казахстана..., 2012 – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.

Ламырев, 2006 – *Ламырев В.И.* Алексей Иванович Бутаков, 1816–1869 / В.И. Ламырев; отв. ред. А.В. Постников, А.Ф. Плахотник. Москва: Наука, 2006. 182 с.

Макшеев, 1896 – *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Воен. тип., 1896. 257 с.

Масанов, 1966 – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения Казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.

Матвиевская, 2016 – *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 174 с.

Мухамедов, 2020 – *Мухамедов М.Р.* Карьерный путь мусульманского чиновника Оренбургской губернии в конце XVIII – первой трети XIX в. / *Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина): сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., проведенной 28 мая 2020 г.* Уфа: Мир печати, 2020. С. 181-190.

Национально-освободительная борьба..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Сборник документов. Сост. В.З. Галиев, Б.Т. Жанаев. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

О слухах и событиях..., 2016 – О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г.: Сб. документов / Сост. Б.Т. Жанаев. Караганда, 2016. 800 с.

Перовский, 1911 – *Перовский В.А.* Письма гр. В.А. Перовского к Н.В. Балкашину // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. С. 149-190.

Почекаев, 2017 – *Почекаев Р.Ю.* Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин) // *Научный Татарстан.* 2017. №3. С. 26-33.

ПСЗ РИ. Т. 12 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 12. 1744–1748. СПб., 1830. 962 с.

ПСЗ РИ. Т. 19 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. 1770–1774. СПб., 1830. 1085 с.

ПСЗ РИ. Т. 22 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. 1784–1788. СПб., 1830. 1054 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Султангалиева, 2009 – *Султангалиева Г.С.* Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Научный Татарстан.* 2009. №4. С. 125-138.

Султангалиева, 2023 – *Султангалиева Г.С.* Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII–первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 с.

Султангалиева, 2024 – *Султангалиева Г.С.* Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.) // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.* 2024. Т. 14. №1. С. 94-108.

Терентьев, 1867 – *Терентьев М.А.* Толмач-спутник русских воинов для неизбежного расспроса и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом. СПб.: В печатне В. Головина, 1867. 91 с.

Ходарковский, 2023 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. 2-е изд. Москва, 2023. 358 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Gaibulina, 2024 – *Gaibulina K.* "Subalterns" in the Russian Imperial Service. The Case of Bronisław Zaleski and Iskander Bатыrshyn // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe.* 2024. Vol. 23. Is. 2. Pp. 7-32. DOI: <https://doi.org/10.53779/KAGB1607>

Morrison, 2014 – *Morrison A.* Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2014. Vol. 57. No. 4. Pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>

Tokbolat, Dzhursunbaev, 2025 – *Tokbolat S., Dzhursunbaev B.* Revisiting the Fall of Aq Masjid: Khoqand Instability and the Russian Conquest // *War in History.* 2025: Online First. DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344525131566>

Tokbolat, Rakhmetulla, 2025 – *Tokbolat S., Rakhmetulla Sh.* On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862) // *Bylye Gody.* 2025. 20(1): 175-187. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2025.1.175>

References

Adres-kalendar', 1856 – Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve. [Address Calendar. General list of all civil officials in the state]. V dvukh chastyakh. Ch. 1. SPb., 1856. 309 p. [in Russian]

Adres-kalendar', 1865 – Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v imperii i po glavnym upravleniyam v Tsarstve Pol'skom i Velikom knyazhestve Finlandskom na 1865–1866 god. [Address calendar. General list of officials and other officeholders across all administrations of the empire and the main administrations in the kingdom of Poland and the Grand duchy of Finland for 1865–1866]. V dvukh chastyakh. Ch. 1. SPb., 1865. 606 p. [in Russian]

Erofeeva, 2012 – *Erofeeva, I.* (2012). Zhurnaly Orenburgskoi pogranichnoi administratsii 1738 i 1749 gg. o sotsial'no-politicheskoi zhizni kochevogo naseleniya Mladshhego i Srednego juzov [Journals of the Orenburg frontier administration, 1738 and 1749, on the socio-political life of the nomadic population of the Junior and Middle Horde]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh*. T. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets». 438 p. [in Russian]

Gaibulina, 2024 – *Gaibulina, K.* (2024). “Subalterns” in the Russian Imperial Service. The Case of Bronisław Zaleski and Iskander Batyrshyn. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 23(2): 7-32. DOI: <https://doi.org/10.53779/KAGB1607>

Gorbunova, 2017 – *Gorbunova, S.V.* (2017). “K podnachal'stvu i pravosudiyu nechuvstvitel'no privykat' budut”: uchastie kazakhov v rabote Orenburgskoi pogranichnoi komissii (1799–1869) [“They will become insensitive to supervision and justice”: Kazakhs' participation in the work of the orenburg frontier commission (1799–1869)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 85-95. [in Russian]

IKRI, 2007 – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vv.* [History of Kazakhstan in Russian Sources, 16th – 20th centuries]. Putevye dnevnik i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnym kazakhskim stepyam XVIII-XIX vv. T. 6. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 2012 – *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh* [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanah]. T. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. 438 p. [in Russian]

Khodarkovskii, 2023 – *Khodarkovskii, M.* (2023). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe Frontiers of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. 2-e izd. M. 358 p. [in Russian]

Lamyrev, 2006 – *Lamyrev, V.I.* (2006). Aleksei Ivanovich Butakov, 1816–1869. M.: Nauka. 182 p. [in Russian]

Maksheev, 1896 – *Maksheev, A.I.* (1896). Puteshestvie po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Journey through the Kyrgyz steppes and Turkestan region]. SPb.: Voen. tip. 257 p. [in Russian]

Masanov, 1966 – *Masanov, E.A.* (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya Kazakhskogo naroda v SSSR [Sketch of the history of ethnographic studies of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka. 322 p. [in Russian]

Matvievskaia, 2016 – *Matvievskaia, G.P.* (2016). Orenburgskii Nepluyevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii: monografiya [Orenburg Nepluev cadet corps. Historical sketch: monograph]. M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya. 174 p. [in Russian]

Morrison, 2014 – *Morrison, A.* (2014). Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 57(4): 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>

Mukhamedov, 2020 – *Mukhamedov, M.R.* (2020). Kar'ernyi put' musul'manskogo chinovnika Orenburgskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi treti XIX v. [Career path of a Muslim official in the Orenburg province, late 18th – early 19th centuries]. *Musul'manin na sluzhbe Rossiiskoi imperii (k 200-letiyu Mirsaliha Bekchurina)*. Ufa: Mir pečati. Pp. 181-190. [in Russian]

Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba..., 1996 – *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova* [National liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesary Kasymov]. Sbornik dokumentov. Sost. V.Z. Galiev, B.T. Zhanaev. Almaty: Gylym, 1996. 512 p. [in Russian]

O slukhakh i sobytiyakh..., 2016 – O slukhakh i sobytiyakh v Srednei Azii [On rumors and events in Central Asia]. T. 1. 20 aprelya 1853 g. – 31 iyulya 1862 g.: Sb. dokumentov. Sost. B.T. Zhanaev. Karaganda, 2016. 800 p. [in Russian]

Pervovskii, 1911 – *Pervovskii, V.A.* (1911). Pisma gr. V.A. Pervoskogo k N.V. Balkashinu [Letters of count V.A. Pervovsky to N.V. Balkashin]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. XXIII. Orenburg: Tipolit. t-va “Karimov, Khusainov i Ko”. Pp. 149-190. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Rol' russkikh chinovnikov tatarskogo proiskhozhdeniya v izuchenii gosudarstvennosti i prava khanstv Srednei Azii (M. Bekchurin, M. Aitov, I. Batyrshin) [The role of russian officials of tatar origin in the study of statehood and law in the khanates of Central Asia]. *Nauchnyi Tatarstan*. 3: 26-33. [in Russian]

PSZ RI. V. 12 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 12. 1744-1748. SPb., 1830. 962 p. [in Russian]

PSZ RI. V. 19 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 19. 1770–1774. SPb., 1830. 1085 p. [in Russian]

PSZ RI. V. 22 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 22. 1784–1788. SPb., 1830. 1054 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].

Sultangalieva, 2009 – *Sultangalieva, G.S.* (2009). Deyatel'nost' tatarskikh perevodchikov, tolmahei Orenburgskoi pogranichnoi komissii v Kazakhskoi stepi (XVIII-XIX vv.) [Activity of Tatar Translators, Interpreters of the Orenburg Frontier Commission in the Kazakh Steppe (18th-19th century)]. *Nauchnyi Tatarstan*. 4: 125-138. [in Russian]

Sultangalieva, 2023 – *Sultangalieva, G.S.* (2023). Tatarskie perevodchiki, tolmachii v Kazakhskoi stepi (XVIII–pervaya polovina XIX v.) [Tatar translators, interpreters in the Kazakh steppe (18th – first half of the 19th centuries)]: monografiya v dokumentakh. Pod red. I.G. Gumerova, A.M. Akhunova. Kazan': IYaLI. 300 p. [in Russian]

Sultangalieva, 2024 – *Sultangalieva, G.S.* (2024). Syuzhety diplomaticheskoi deyatel'nosti tatarskikh perevodchikov Orenburgskoi pogranichnoi komissii v Khive (pervaya polovina XIX v.) [Plots of diplomatic activity of Tatar translators of the Orenburg frontier commission in Khiva (first half of the 19th century)]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzh'ya*. 14(1): 94-108. [in Russian]

Terent'ev, 1867 – *Terent'ev, M.A.* (1867). Tolmach-sputnik russkikh voynov dlya neizbezhnogo rassprosa i peregovorov na yazykakh russkom, turetskom, serbskom i grecheskom [Interpreter-companion of Russian soldiers for inevitable questioning and negotiations in Russian, Turkish, Serbian, and Greek]. SPb.: V. Golovin. 91 p. [in Russian]

Tokbolat, Dzhursunbaev, 2025 – *Tokbolat, S., Dzhursunbaev, B.* (2025). Revisiting the Fall of Aq Masjid: Khoqand Instability and the Russian Conquest. *War in History*. *Online First*. DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344525131566>

Tokbolat, Rakhmetulla, 2025 – *Tokbolat, S., Rakhmetulla, Sh.* (2025). On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862). *Bylye Gody*. 20(1): 175-187. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2025.1.175>

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Vasil'ev, 1898 – *Vasil'ev, A.V.* (1898). Materialy k kharakteristike vzaimnykh otnoshenii tatar i kirgizov s predvaritel'nykh kratkim ocherkom etikh otnoshenii [Materials for the characterization of mutual relations between Tatars and Kyrgyz, with a brief outline of these relations]. Orenburg: Tipo-lit. P.N. Zharinova. 63 p. [in Russian]

Переводчики как агенты империи: Искандер Батыршин и производство знаний в казахской степи

Сейилхан Токболат^a, Индира Шакирбаева^{a, *}, Асем Садыкова^b, Шынгыс Рахметулла^a

^aМеждународный Таразский университет им. Шерхана Муртазы, Тараз, Республика Казахстан

^bТаразский университет имени М.Х. Дулати, Тараз, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется роль переводчиков как агентов империи на примере Искандера Батыршина, который работал переводчиком при Оренбургской пограничной комиссии в середине XIX века. Деятельность Батыршина демонстрирует двойственную функцию переводчиков, заключающуюся в посредничестве между российской администрацией и местной кочевой элитой, а также в производстве знаний о социальной и политической структуре степи. Исследование опирается на материалы Центрального государственного архива Казахстана, Российского государственного военно-исторического архива, а также на собственные тексты Батыршина, включая «Записку о Хивинском ханстве» (1852) и «Краткий дневник Ак-Мечетской экспедиции» (1853). Применение микроисторического, источниковедческого и дискурсивного подходов позволяет показать, как Батыршин трансформировал локальные сведения, собранные в ходе дипломатической и переводческой деятельности, в стратегически значимое знание для администрации Российской империи. В исследовании Батыршин рассматривается в рамках аналитической категории имперских посредников, при этом показано, что его переводческая практика являлась неотъемлемым элементом стратегических механизмов Российской империи по политической, административной и эпистемологической инкорпорации Казахской степи.

Ключевые слова: Искандер Батыршин, Российская империя, Оренбургская пограничная комиссия, переводчики, казахская степь, Кокандское ханство, Хивинское ханство, лазутчики, Ак-Мечеть, казахская элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: indira.81-81@mail.ru (И. Шакирбаева), seiltokbolat@gmail.com

(С. Токболат), asemakaznpu@mail.ru (А. Садыкова), shyngysvip2002@gmail.com (Ш. Рахметулла)